

© 2005 г. А.В. ЗЕЛЕНИН

ДЕЗАББРЕВИАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантическое явление дезаббревиации, возникшее в русском языке на рубеже XIX–XX вв. почти одновременно с появлением нового способа словообразования – аббревиацией – и выступающее своеобразной реакцией разговорно-речевой стихии на необычность нового типа слов в языке. Анализируются психологические, культурологические, семасиологические, семантические механизмы дезаббревиатурных форм в современном дискурсе. Предлагается типология дезаббревиатурных образований (регрессивная и людическая), ее отграничение от схожих явлений (народной этимологии, дедеривации, комминуального раскодирования, стилизации), а также выявляются ведущие тенденции в формировании и развитии дезаббревиации в русском языке в историко-хронологической перспективе.

Процессы аббревиации в русском языке стали объектом фиксации и наблюдения почти одновременно со временем их появления – в предреволюционные и первые послереволюционные годы. Противоположное явление – дезаббревиация – до сих пор находится на периферии внимания лингвистов. Несколько фактов этого языкового феномена упоминалось, в частности, в монографии “Русский язык и советское общество” [РЯСО 1968: 68] в небольшом разделе (автор Д.И. Алексеев), посвященном лексикализации графических сокращений. Однако за приведенными в монографии тремя примерами тогда едва ли просматривалась языковая тенденция.

Случаи дезаббревиации известны уже давно: еще до революции 1917 г. в большевистском подполье существовала дешифрованная (раскодированная) аббревиатура МК ‘Московский комитет’ → ‘Михаил Константинович’ (так именовали этот партийный орган в социал-демократическом подполье); пример выразителен тем, что явно показывает сознательный характер раскодирования аббревиатуры с двоякой целью – чтобы эта вторичная (декодированная) номинация: 1) была знакома и понятна только “своему”, “посвященному” (криптолалическая функция); 2) не выделялась на фоне других лексических средств для “непосвященных” (маскирующая функция). По-видимому, самой ранней расшифровкой следует считать такую: в юмористическом журнале “Стрекоза” еще в конце XIX века была приведена шутивная интерпретация сложносокращенного слова К.Б.Ж.Д. (Киево-Брестская железная дорога) ‘каждому бить жиды дозволяется’ или (с инверсией) ‘дурак желает бить кондуктора’ [Стрекоза 1883: 7].

Появление и сложносокращенных и раскодированных форм знаменует совершенно новый этап как в языковой компетенции индивида, так и языковом сознании социума: если аббревиатурная лексема представляет один из возможных способов языковой компрессии, “сжатия” текста (номинативного словосочетания), то возможна также и декомпрессия текста, развертывание аббревиатуры либо в исходное словосочетание, либо в новую языковую единицу с модифицированным сигнификатом.

Чтобы отчетливее увидеть новшества в языковой рефлексии русского общества конца XIX – начала XX в., следует сопоставить указанный период с предшествующим. Графические сокращения (акронимы) известны в русском языке уже давно (уточним, что в современной русистике такие сокращения либо не относят к аббревиации, либо считают их особым типом аббревиации). Например, в Древней Руси в ходу были сокращения И.Х. (= ИХ) ‘Иисус Христос’, Р.Х. (= РХ) ‘Рождество Христово’, Х.В. (= ХВ) ‘Христос воскрес’, р.б. ‘раб(а) божий(ия)’ и мн. др. в сакрально-магических текстах: на иконах,

просвирах, куличах, предметах религиозной утвари, в заговорах. К сокращениям относятся также титловую аббревиацию (существовала разветвленная система титл: простое титло и целая группа буквенных титл), которая широко встречалась в средневековых текстах¹. В XVIII и XIX веках в текстах государственных договоров, соглашений, приказах государственной канцелярии часто употреблялись, например, графические сокращения *Е.И.В.* (*е.и.в.*) ‘его императорское величество’, *Г.И.* (= *г.и.*) ‘государь-император’, *В.Св.* (= *в.св.*) ‘ваша светлость’² (едва ли стоит приводить многочисленные цитаты из текстов той эпохи; укажем, в частности, некоторые источники, из которых можно почерпнуть эти материалы: [Акты 1868: 426 и др.; Акты 1870: 705; Под стягом России 1992: 78, 79, 131, 132, 138, 239, 240 и др.]). В литературе вполне обычным художественным типизирующим приемом было такое сокращение: в *г. Н.* (или, что более обычно, в *г. N.*) ‘в городе Н. = N.’ или *г. Н.* (= *г. N.*) ‘господин Н. (= N.)’. Приведенные выше акронимы воспринимались как графический способ “сжатия” или религиозных понятий (терминов), или этикетных формул знати (включая некоторые титулы царского дома), или делопроизводственных языковых клише, или нарративных штампов³. Однако все эти сокращения существовали на уровне графики, а не словообразования. Только осознание и использование некоторых типов буквенных сокращений как лексикализованных, то есть элементов, употребляющихся автономно в речевой коммуникации в качестве полноправных единиц, перевело их в иной, лексический, ярус языка и послужило словообразовательной моделью для создания аналогичных языковых единиц. Вызванный именно экстралингвистическими факторами бурный процесс лексикализации определенных типов буквенных сокращений, оперирование ими как лексическими фактами языка (*language*) и стали решающими, поворотными пунктами в формировании нового способа словообразования – сложносокращенных слов.

Предреволюционные годы (Первая мировая война) и Февральская и Октябрьская революции 1917 г. усилили наметившееся явление (появление сложносокращенных слов для номинации новых реалий) и вызвали мощную языковую волну аббревиации не только в области политики, коммерции, военном деле, но и во вторичной номинации государственных учреждений, профсоюзных, различных многочисленных общественных организаций и т.п. В качестве контръявления, пародии на новые советские реалии, появились факты дезаббревиации, начиная буквально сразу же с первых лет установления советской власти: *ЧК* ‘чрезвычайная комиссия’ → ‘чертова коробка’ или ‘чересчурка’; *НС* ‘Народная социалистическая (партия)’ → ‘Не Существующая (партия)’ [Mazon 1920: 31, 49, 50]; *ВСНХ* ‘Высший совет народного хозяйства’ → ‘воруй смело, нет хозяина’; *РСФСР* ‘Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика’ → ‘редкостный случай феноменального сумасшествия России’ (последний топоним в интерпретации И.А. Ильина заменен на слово *расы* [Кожевникова 1998: 73]) или ‘распустили солдат, фронтовиков, собрали разбойников’; *ЖЧК* ‘Железнодорожная чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем’ → ‘ЖенеЧКа’; *ВЧК* ‘Всероссийская чрезвычайная комиссия’ → ‘всякому человеку ко-

¹ Огромное количество аббревиатур (более 13000), встречающихся в средневековых текстах на латыни, приводится в ставшем уже классическим словаре [Capelli 1967]; дополнения к нему в: [Pelzer 1966], где приведено еще 1500 сокращений, не включенных в словарь Капелли.

² Царский титул *Его (Ваше, Их) Императорское Величество* является скорее всего калькой с нем. *Seine (Eure, Ihre) Kaiserliche Majestät* (лат. *majestas* ‘величие, величество’). Сочетание *ваша светлость* (в нетерминологизированном значении) упоминается уже в переписке А. Курбского и И. Грозного. Этой же формулой к Ивану Грозному обращается, в частности, Папа Римский Григорий XIII (1502–1585). Однако только в конце XVIII века эта фраза приобрела новый статус, став этикетной формулой для представителей светлейших княжеских родов, в отличие от наследственных [очевидно, в результате влияния нем. *Seine (Eure, Ihre) Durchlaucht* ‘Его (Ваша, Их) Светлость’; ср. также англ. *His Serene Highness*].

³ Мы не приводим здесь примеры, которые указаны, например, в широко известных и цитируемых работах [РЯСО 1968: 66 и сл.; Mazon 1920; Jakobson 1921: 10].

нец' или 'ВероЧКа'; МЧК 'Московская чрезвычайная комиссия' → 'МанеЧКа' (последние эвфемизмы построены на намеренном фонетико-ассоциативном противопоставлении "страшной" сущности денотата и имени собственного с уменьшительно-ласкательным суффиксом) [Карцевский 1923: 34].

В 20–30-е годы XX века эта традиция игрового раскодирования была продолжена: ВКП(б) 'Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)' → 'все кончится погромом (большевиков)' или 'второе крепостное право'; ОГПУ 'Объединенное государственное политическое управление' → 'О, Господи, помоги убежать'; ЦК 'Центральный комитет' → 'Цецилия Карловна' (в частности, ее использовал известный музыковед И.И. Соллертинский с криптолалической целью: завуалировать под именем якобы своей немецкой родственницы возможный приход чекистов, исполняющих приказы об арестах, исходящих из ЦК ВКП(б) – КПСС); появилась новая, актуализированная расшифровка аббревиатуры РСФСР 'рабочий снял фуражку, снимет и рубашку' (в период индустриализации).

В 30-е годы в сводках ОГПУ по Ленинграду отмечался факт появления в разговорном языке шутиливой расшифровки СССР 'смерть Сталина спасет Россию'; ср. также интерпретацию данной аббревиатуры в латинской графике писателем С. Кржижановским: СССР → 'Sancta, Sancta, Sancta Russia' (святая, святая, святая Россия; пример приведен в [Кожевникова 2003: 149]). В 50-е годы, после смерти Сталина, аббревиатура СССР приобрела такую раскодированную форму: 'смерть Сталина спасла Россию'. Таким образом, в подобной практике шутиливой расшифровки аббревиатур совершенно отчетливо видна подвижность, гибкость, эластичность мены сигнификата в зависимости от ситуации, текущего момента.

Причины такого необычного языкового феномена (появление шутиливой расшифровки) кроются, во-первых, в уже ранее существовавшей криптолалической традиции (подпольной партийной дешифровки), во-вторых, в новизне и необычности аббревиации как нового способа словообразования в русском языке той эпохи и стремлении этимологизировать (деэтимологизировать) "странные" языковые гибриды. Многие поэты, прозаики, журналисты, фельетонисты живо откликнулись на новый тип слов в языке – аббревиатуры, сделав их предметом языковых упражнений (в частности, подборка выразительных примеров приведена в [Ревзина 1998; Кожевникова 2003]). Вообще интеллектуальная элита (как новая, советская, так и, по преимуществу, старая, дореволюционная) в 20–30-е годы XX века часто смотрела на аббревиатуры как на криптографические знаки, шифрующие некую мистическую, сакральную, потаенную информацию о новом социальном строе.

Вопросы дезаббревиации (кроме упомянутой работы "Русский язык и советское общество") до последнего времени не привлекали внимания лингвистов. Пожалуй, первые дезаббревиации как языковой феномен описал А.Ф. Журавлев [Журавлев 1982] и предложил классификацию семантических процессов, связанных с данным явлением. А.Ф. Журавлев рассматривал дезаббревиацию в контексте "вторичного фразообразования", расчлняя его на а) фразопреобразование и б) дезаббревиацию [Там же: 95]. Типология дезаббревиации, в свою очередь, такова: 1) дезаббревиация в стилистических целях (например, вместо стершихся аббревиатур *колхоз* и *совхоз* журналист с целью обновления внутренней формы слов использует синтаксическую конструкцию: *коллективные хозяйства*); 2) "сознательные ложные расшифровки аббревиатур", которые, по мнению А.Ф. Журавлева, "представляют определенный интерес" (например, в речи лектора: *целевая установка* → *ЦУ* → *ценные указания*); 3) "особая разновидность дезаббревиации" – "условная дезаббревиация слов, не являющихся аббревиатурами": водка "*Экстра*" → 'эх, как стало трудно русскому алкоголику' или (с инверсией) 'алкоголик русский, терпи, скоро конец этому' [Там же: 97]. А.Ф. Журавлев проницательно увидел за шутиливыми языковыми примерами уже давно существовавшую в некодифицированной речи живую семантическую тенденцию. Однако отсутствие достаточного эмпирического материала оставляло факты дезаббревиации на периферии лингвистического

наблюдения и не позволяло лингвистам сфокусировать на данном феномене более пристальное внимание.

В современной лингвистической литературе еще нет устоявшегося и принятого термина для обозначения явления, его именуют: *дезаббревиация* (деаббревиация), *условное раскодирование*, *ложные расшифровки*, *“эвфемистически насмешливое раскрытие аббревиатур”* [Ермакова 1999: XXIII]. Примечательно, что описания этого процесса вы не найдете ни в вузовских учебниках, ни в энциклопедиях по русскому языку, ни в справочниках [Краткий справочник 1995; Васильева 1995], ни в методической литературе [Розенталь, Теленкова 1995; Азимов, Щукин 1999], ни в словарях словообразовательных терминов [Немченко 1985], ни в обобщающих лексикологических работах даже зарубежных ученых, особенно внимательно и даже пристально вглядывавшихся в языковые факты, обычно избегаемые (чаще всего по политическим причинам) советской лингвистикой [Ward 1965; Comrie, Stone 1978; Ryazanov-Clarke 1999]. Не упоминается данный языковой феномен и в основательной монографии, специально посвященной “языковой игре” в русском языке [Санников 1999]. Отсутствие систематизированного описания этого явления объясняется в первую очередь тем, что 1) языковой материал вторичен по отношению к своему источнику-прототипу; 2) объем его не столь велик; 3) существует известная трудность фиксации и сбора такого материала в силу специфики его употребления; 4) он имеет маргинальный характер; 5) на него смотрят чаще всего как на внутренне неорганизованное, стихийное, окказиональное для речи явление и потому обычно этот феномен относят либо к народной этимологии, либо включают в сферу языковой игры как забавные и курьезные иллюстрации. Однако только ли своей курьезностью интересны эти примеры?

О чем свидетельствуют игровые раскодированные формы? О том, что живое языковое творчество народа не останавливалось (и не останавливается) перед “монстрообразным” (аббревиатурным) подобием слова и превращало (превращает) его в шутливую, ироничную вторичную номинацию с иной (измененной, трансформированной) внутренней формой. Именно в этом ракурсе (как на шутливые номинации, вернее сказать – деноминации или реноминации) лингвисты смотрели на случаи дезаббревиации, иногда приводя их в качестве примера языковой игры, каламбура. Действительно, таких форм в языке не так много, но все-таки они исчисляются достаточным количеством (мне удалось зафиксировать более полутора сотен примеров, нередко обценного характера), позволяющим сделать некоторые обобщения. Справедливо поставить следующие вопросы: каков статус таких “раскодированных” аббревиатур в языке? на каком языковом “ярусе” они находятся? живы ли случаи “раскодирования” в языке сейчас и если живы, то что нового, по сравнению с революционными годами и послереволюционными десятилетиями, в них появилось? каковы механизмы и мотивы (культурные, семантические, психологические и т.д.) появления таких форм?

Дезаббревиацию следует отличать и не смешивать с такого рода языковыми явлениями, в которых также виден каламбур, ирония, переименование или фонетическое шутливое сближение (фонетическая мимикрия), однако они не входят в разряд раскодированных аббревиатур. Не относятся к понятию дезаббревиации следующие случаи:

1. Лексическая омонимия собственных или нарицательных имен, местоимений, падежных, глагольных форм с аббревиатурами: *РАК* ‘районная административная комиссия’ и имя нарицательное *рак*; *Архип* ‘Артель химического производства’ и имя собственное *Архип*; *СТО* ‘Совет труда и обороны’ и числительное *сто* (примеры заимствованы из [Виноградов 1983: 82]); *ГРОБ* ‘гражданская оборона’ и нарицательное существительное *гроб* ‘ящик с крышкой для тела умершего’; *ВОПЛИ* ‘Вопросы литературы’ (шутливое название журнала) и нарицательное существительное *вопли* ‘продолжительные громкие крики’; *ОКО* ‘объединение кинематографических обществ’ и нарицательное стилистически маркированное существительное *око* ‘глаз’; *ГЛУП* ‘главное управление’ и краткая форма прилагательного *глупый* ‘неумный, несообразительный, недалекий’ (примеры заимствованы из [Журавлев 1982:

83]); *ОЛЯ* ‘Отделение литературы и языка РАН’ и женское имя *Оля*; *МАРС* ‘машина автоматической регистрации и сигнализации’ и название планеты Солнечной системы *Марс*; *ИВАН* ‘Институт востоковедения АН (РАН)’ и мужское имя *Иван*; *ВНОС* ‘воздушное наблюдение, оповещение и связь’ и словосочетание *в нос*; *АИСТ* ‘автоматическая информационная станция’ и название птицы *аист*; *АМУР* ‘автоматическая машина управления и регулирования’ и мифологическое имя бога любви *Амур*; *НИМИ* ‘Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт’ и форма местоимения *они* в творительном падеже; *НОЖ* ‘новое общество живописцев’ и существительное *нож*; *СОН* ‘сеялка овощная навесная’ и существительное *сон*; *СамГАСИ* ‘Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт’ и предикативное словосочетание *сам гаси*; *УГРИ* ‘Угольный геолого-разведочный институт’ и имя существительное *угри* ‘рыба со змеевидным телом’; *ОПУС* ‘Особый порядок управления страной’ (введен Б. Ельциным 20 марта 1993 года) и нарицательное существительное *опус*; *ВОР* ‘вождь Октябрьской революции’ (о Ленине) и имя существительное *вор* и под.

В приведенных примерах не происходит раскодирования аббревиатуры, но виден только процесс случайного фонетического (графического) столкновения аббревиатуры и обычного слова (словоформы), в результате чего рождается каламбур. Впрочем, А.Ф. Журавлев полагал, что в данном типе примеров “аббревиатура сознательно ориентирована на реально существующее в языке слово” [Журавлев 1982: 83], однако, по нашему мнению, такая “сознательная ориентация” является только частным случаем; ср., например, действительно искусственное, ориентированное на неслучайное, намеренное созвучие-сходство аббревиатуры и апеллятива, следующее обозначение: *СДВИГ* ‘свидетельство долголетней выдержки и героизма’ (фестиваль “живой” музыки в Вологде) и нарицательное существительное *сдвиг* ‘смещение; отклонение’ (с возможной аллюзией к просторечному *сдвиг по фазе*, со *сдвигом* “о человеке со странным, неадекватным поведением”). В целом же фонетическое сходство аббревиатур с апеллятивами и синтаксическими или морфологическими формами слов внешнее, поверхностное, случайное [когда создавалось Отделение литературы и языка (ОЛЯ) в рамках Академии наук, его основателям едва ли приходило в голову намеренно сблизить аббревиатурное обозначение с женским именем *Оля*; или помощники Ельцина в мартовские дни 1993 г. едва ли стремились во что бы то ни стало придумать аббревиатурное название, созвучное термину *опус*].

2. *Д е д е р и в а ц и я*⁴, то есть разложение аббревиатуры (сложносокращенного слова) на элементы, сближающиеся по звучанию с обычными словами: *Беломор* ‘сорт сигарет’ (от официального названия *Беломорканал < Беломорско-Балтийский канал*) и шутовское переименование ‘*спустился я за белым мором*’ (в пародии А. Райкина). Комический эффект рождается за счет окказионального (авторского) расщепления композита (*Беломорский канал < Белое море*) на компоненты и снабжения их вторичной (несобственной) номинацией (*белый + мор*) путем сближения с аналогичными образованиями (*мухомор, клопомор*).

3. Так называемое комминуальное раскодирование (от лат. *comminuo* “раздробляю, расщепляю”) – побуквенное расщепление апеллятива (в подавляющем преимуществе нарицательных существительных) по аббревиатурному типу и наделение его новым номинативным содержанием. В классификации А.Ф. Журавлева такой способ декодирования входит в состав дезаббревиации на правах “условной дезаббревиации” [Журавлев 1992: 98]; правда, он сомневался в безоговорочной точности и справедливости отношения данного способа раскодирования к дезаббревиации, снабдив этот тип специальными модальными уточнениями “особый”, “вероятно”. Комминуальное раскодирование не связано напрямую с дезаббревиацией, но явственно ориентировано на данный словообразовательный механизм. Игровое “расщепление” обычного слова на отдельные смысловые элементы по аббревиатурной модели мож-

⁴ Термин и пример предложен Г.А. Николаевым [Николаев].

но наблюдать, например, в таких примерах: *морг* в исходном значении ‘учреждение для хранения трупов’ → и трансформированное, переименованное ‘место окончательной регистрации граждан’; *водка* → в[от] о[н] д[обрый] ка[кой] – шутивая народная этимология некоторых сортов более дешевой водки, выпуск которой начался с приходом к власти Ю.В. Андропова; в народе она получила название *андроповка*; *сосуд* ‘небольшая емкость для жидких и сыпучих веществ’ → ‘словарь отмерших слов, употреблявшихся древними’ (В. Шефнер. “Девушка у обрыва”); *Иов* ‘имя библейского персонажа’ → ‘интеллигентус одомашненный вульгарис’, или ‘интеллектуал, обиженный всевышним’, или ‘им обратно весело’, или ‘или очень вумные?’; к приведенной А.Ф. Журавлевым расшифровке названия водки “*Экстра*” добавим: ‘а разве так создашь коммунистическую экономику?’ (с инверсией); *лира* ‘музыкальный инструмент’ → ‘любовь и радость антонимы’ (литературное объединение, лидером которого является Антонина Ефимова); *студент* ‘учащийся высшего учебного заведения’ → ‘срочно требуется уйма денег, есть нечего, точка’; *поп* ‘православный священник’ → ‘пас-тырь овец православных’⁵.

Особенно популярен этот способ кодирования и декодирования в уголовном мире, в частности в татуировках: *босс* ‘руководитель, начальник, предприниматель’ (обычно ирон.) → ‘был осужден советским судом’; *бур* ‘инструмент для сверления, бурения’ → ‘барак усиленного режима’; *вермут* ‘виноградное вино с травяным настоем’ → ‘вернись, если разлука мучает тебя’; *вино* ‘алкогольный напиток (обычно из винограда)’ → ‘вернись и навсегда останься’; *волк* ‘хищное животное семейства собаки’ → ‘волю очень любит колонист’, или ‘вору отдышка – легавым крышка’, или ‘вот она, любовь какая’; *воск* ‘пластичное вещество, вырабатываемое пчелами из цветочной пыльцы’ → ‘вот она, свобода колониста’; *жук* ‘небольшое насекомое’ → ‘желаю удачных краж’; *зло* ‘дурные дела, поступки’ → ‘завет любимого отца’ или ‘за все легавым отомщу’; *Ира* (женское имя) → ‘ищи, режь актив’; *кот* ‘небольшое животное, самец кошки (обычно домашнее)’ → ‘коренной обитатель тюрьмы’ или ‘колония ожидает тебя’; *лев* ‘сильное хищное животное, самец львицы’ → ‘люблю ее вечно’; *лимон* ‘цитрусовое дерево; плод кислого вкуса’ → ‘любить и мучить одной надоело’; *Лора* (женское имя) → ‘любовница ответственного работника’ или ‘любовь однажды родила ангела’; *лорд* ‘английский высший дворянский наследственный титул’ → ‘легавым отомстят родные дети’; *магнит* ‘кусок железной руды, притягивающий металлы’ → ‘милая, а глаза неустанно ищут тебя’; *небо* ‘пространство над земной сушей’ → ‘не грусти, если будешь одна’; *Нина* (женское имя) → ‘не был(а) и не буду активистом(кой)’; *Нона* (женское имя) → ‘наркоману очень нужна анаша’; *омут* ‘водоворот, завихрение на реке от встречных потоков’ → ‘одно мое утешение’ или ‘от меня уйти (не) трудно’; *пингвин* ‘антарктическая водоплавающая птица с короткими крыльями’ → ‘прости и не грусти, виноватого искать не надо’; *писк* ‘очень тонкий звук’ → ‘пошел искать себе кукнар’; *пост* ‘место, пункт наблюдения’ → ‘прости, отец, судьба такая’; *риск* ‘возможность неудачи, провала’ → ‘родные, идите скорее кумариться’; *ритм* ‘равномерное чередование такта’ → ‘радость и тоска моя’; *рубин* ‘драгоценный камень красного цвета’ → ‘разлука уже близка и неизбежна’; *Сатурн* ‘планета Солнечной системы’ → ‘слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно’; *сентябрь* ‘девятый месяц года’ → ‘скажи, если нужно, то я буду рядом’; *слон* ‘крупное животное с хоботом и большими бивнями, ушами’ → ‘с любимым одним навеки’ или ‘с (малых) лет одни несчастья’; *снег* ‘замерзшая вода в виде снежинок’ → ‘сильно нравятся единственные глаза’; *сэр* ‘почтитель-

⁵ Любопытно, что коммунуальное раскодирование встречалось в языках уже и раньше. По одной из версий, слово *мафия* (итал. maf(f)ia) в период борьбы с Наполеоном Бонапартом стало расшифровываться так: Morte Alla Francia Italia Anela “Девиз Италии – смерть всем французам” [Геворгян 1980: 19]. По другой версии, бытующей в народной мифологии сицилийцев, слово *мафия* образовано лексико-синтаксическим способом от фразы *ma fia* “моя дочка!”, которая исторглась из груди обезумевшей от горя матери-сицилианки после изнасилования ее дочери французским солдатом.

ное обращение к мужчине в англоязычных странах' → 'свобода – это рай'⁶; *тигр* 'крупное хищное полосатое животное' → 'товарищи, идемте грабить ресторан' или 'Тюрьма – ИГРушка'; *Томск* 'название города в Сибири' → 'ты один моего сердца коснулся'; *туалет* 'уборная' → 'ты ушел, а любовь еще тлеет'; *туз* 'старшая игральная карта' → 'тюрьма учит закону' или 'тюрьма уже знакома' или 'Тюремный УЗник'; *утро* 'начало дня' → 'ушел тропой родного отца'; *хлеб* 'пищевой продукт, выпеченный из муки' → 'хранить любовь единственную буду'; *чиж* 'небольшая лесная птица' → 'чрезвычайно интересная женщина'; *шампанское* 'шипучий игристый слабоалкогольный напиток' → 'шутка, а может, просто адская насмешка, скажи, как оценить ее'; *юг* 'часть света, направление горизонта, противоположная северу' → 'юный грабитель'; *Япония* 'страна на Дальнем Востоке' → 'я прощаю обиду, не измену, ясно?'; *яхонт* 'старое название некоторых драгоценных камней' → 'я хочу одного навеки тебя'⁷ и под.

Естественно, лексическое наполнение декодированных уголовных аббревиатур является отражением понятий и ценностей этого маргинального социума. Если проанализировать имена существительные, встречающиеся в таких раскодировках, то их типология следующая: 1) обозначение реалий тюремной жизни (*барак, режим, колонист, легавый, актив* 'служба охраны', *активист* 'помощник охраны, милиции среди заключенных', *тюрьма, узник, кукнар* 'тип наркотика'); 2) обозначение уголовных преступлений и связанных с этим понятий (*кража, завет, закон*); 3) обозначение морально-нравственных понятий и ценностей в тюремной среде (*разлука, воля, любовь, судьба, радость, тоска, несчастья, свобода, обида, измена, сын, отец, женщина*). Глагольные лексемы свидетельствуют о доминировании следующих смысловых областей: *осужден, мучать, отомстить, грабить, кумариться* 'употреблять кукнар'. Любопытно, что раскодировки апеллятивов довольно часто представляют некие сентенции или прескрипции, предназначенные для "прочтения" другим реципиентом; ср. глаголы в императивной форме в структуре прескриптивного высказывания: *вернись, ищи, режь, не грусти, прости, идите, слышишь, скажи, идемте*. Использование императивов в прескрипциях неслучайно: они призваны в тюремном социуме: а) обеспечить передачу информации от прескриптора другому человеку (реципиенту), минуя вербальное общение, б) при помощи речевого акта (апеллятива с закодированным смыслом) побудить другого к активному действию. Вообще достаточно мощный глагольный элемент в структуре буквенных татуировок не может не привлечь внимание.

Этот представительный, но еще неполный список представленных раскодировок ясно показывает, что аббревиатурное расщепление обычного апеллятива или имени собственного в некоторых маргинальных группах преследует цель шифровки информации криптографическими способами: зрительно татуировка видна и "непосвященному", но ее подлинный (тайный, зашифрованный) смысл известен только "своему", "посвященному". Таким образом, в уголовном мире происходит презентация слова с тем заданным намерением, что эту "внутреннюю аббревиатуру" декодирует член своего круга, сообщества, то есть прочтет, извлечет соответствующие (неязыковые) выводы и выберет адекватные модели поведения с носителем подобной татуировки. Обилие подобного рода буквенных татуировок в криминальном мире XX века, пожалуй как ничто другое, показывает в своеобразном обратном "зеркальном отражении", насколько глубоко проникли механизмы аббревиации в толщу русского языка и языкового сознания. Если в XVIII и XIX веках на татуировках (преимущественно в среде матросов, нижних армей-

⁶ Название фильма С. Бодрова "Сэр", рассказывающего о подростке-колонисте, совершившем в поисках отца побег из колонии, может ввести в заблуждение или даже дезориентировать неискушенного зрителя, если он не будет знать данного типа коммуналного раскодирования, принятого в уголовном мире. Таким образом, этот тип аббревиатурного расщепления апеллятива стал одним из компонентов фоновых (пусть и периферийных) знаний современных носителей русского языка, в результате чего и возможно включение части уголовных аббревиатур (наряду с прочими элементами тюремно-уголовного дискурса) в интеллектуально-языковой обиход общества.

⁷ Много таких расшифровок приведено в [Балдаев 1992; Росси 1991; Максимовский 1991].

ских чинов и преступников) были приняты изображения-картинки (ср. указание, что в конце XIX века сахалинские заключенные-каторжники украшали свое тело “сахалинскими картинками” [Конди 1999]), то в XX веке вербальные (словесные, аббревиатурные) татуировки заметно потеснили традиционные, графико-картинные.

Перейдем к рассмотрению других разрядов дезаббревиации. Тип так называемой стилистической дезаббревиации (в терминах А.Ф. Журавлева) активизировался в современном языковом дискурсе, хотя и не столь заметно и выразительно, как ложная дезаббревиация. Однако содержание класса лексем, включаемых в стилистическую дезаббревиацию, можно уточнить и расширить. А.Ф. Журавлев отметил, что использование сочетания *коллективные хозяйства* в газетно-публицистическом стиле несет стилистическую функцию, поскольку “аббревиатура и словосочетание, послужившее базой для нее, уже почти не соотносятся в сознании носителя языка” [Журавлев 1982: 97]. Действительно, хотя в формально-семантическом отношении словосочетание *коллективные хозяйства* является непосредственной мотивирующей базой сложносокращенного слова *колхоз*, в языковом сознании конца XX века произошло сигнификативное и денотативное размыивание понятий *колхоз* “сельскохозяйственное предприятие, основанное на коллективной собственности” и *совхоз* “сельскохозяйственное предприятие, основанное на государственной собственности”, номинативно значимое в период создания данных терминов (20-е годы XX в.). Таким образом, появление раскодированных аббревиатур типа *коллективные хозяйства* вполне органично вписывается в концепцию газетно-публицистического стиля Г.О. Винокура и В.Г. Костомарова (чередование экспрессии и стандарта как стилиобразующего стержня): аббревиатуры *колхоз* и *совхоз* относятся к области газетного стандарта, напротив, фраза *коллективные хозяйства* – к области газетной экспрессии (обратим внимание на множественное число, в данном случае выступающее языковым маркером газетной экспрессивности).

Последнее десятилетие XX в. демонстрирует активизацию такого способа дезаббревиации в русском языке, причем в центре таких процессов чаще оказываются идеологически маркированные лексемы (идеологемы): (в советское время) *райком, обком, крайком* (партии, комсомола, профсоюза и т.п.) → (в наши дни) *районный комитет, областной комитет* (по культуре и спорту, профсоюзов, по управлению имуществом, социальной защиты населения, по образованию и т.п.), но – *райком* (КПРФ). Следовательно, в современном языковом пространстве произошло прагматическое расщепление референта (“комитет”) в связи с трансформацией денотата: старая, стершаяся аббревиатура прочно ассоциирована с советским строем (сравни зависимое слово *КПРФ*), дезаббревиатурная форма (*районный, областной, краевой комитет*) имеет цель обособиться, отстраниться от старой аббревиатурной советской номинации именно при помощи раскодирования, возвращения к аналитической синтаксической номинации (словосочетанию). Семантико-синтаксический механизм декомпрессии текста, выступающий в данном случае в своем конкретном преломлении – дезаббревиации, освежает внутреннюю форму аббревиатуры, соотносенной с каким-либо понятием, дискредитированным в общественном сознании, а также в политической и социальной практике.

Очевидно, и стилистический (типа *колхоз*, проанализированный А.Ф. Журавлевым), и прагматико-идеологический вид дезаббревиации (типа *райком*) находятся в пределах одного семантического типа. Если аббревиатуры считать вторичными номинативными знаками, то дезаббревиатурные раскодировки данного типа мы относим к регрессивной⁸ дезаббревиации – раскодированию аббревиатур в обратном направлении (т.е. мотивировке исходным словосочетанием). Такой тип дезаббревиации представлен преимущественно в книжных или нейтральных зонах языка, но он крайне важен с точки зрения стабильности языкового развития и преемственности, служа наиболее мягким (в отличие от ложной, или людической, дезаббревиации) механизмом, амортизирующим последствия мутаций (политических, идеологических, социальных) в обществе.

Наконец, “ложные расшифровки дезаббревиатур” в классификации А.Ф. Журавлева. К сожалению, языковой материал, представленный в этом типе, у автора невелик

⁸ От лат. *regressus* “обратное движение”.

(всего два примера), так что исследователю пришлось ограничиться только указанием на две причины существования подобного рода раскодирования: криптолалическую и шутовую (ироническую). Однако, пожалуй, именно этот тип дезаббревиации является самым распространенным и разработанным в семантическом механизме аббревиатурного раскодирования в современном дискурсе.

При ложной дезаббревиации происходит столкновение, сопряжение в пределах одной фонетической или графической формы двух значений: общепринятого (официального) значения и вторичного, переосмысленного. Цель (функция) такой дезаббревиатуры совсем иная, чем, в частности, коммунальной дезаббревиатуры, а именно: в некодифицированном разговорном языке “занизить” высокий официальный ранг аббревиатуры, превратив ее в смеховую “игрушку”. Таким образом, именно игровое начало является исходной посылкой такого типа дезаббревиации; назовем его *люди-ческим* (от лат. *ludus* “игра”).

Какие же тематические (идеографические) группы аббревиатур в современном русском языке испытывают наибольшее влияние процессов людического раскодирования?

1. Названия политических партий, движений: *ЛДПР* ‘Либерально-Демократическая партия России’ → ‘люблю дурачить простых ребят’. Особенно “повезло” аббревиатуре *КПСС* ‘Коммунистическая партия Советского Союза’, которую интерпретировали весьма разнообразно: ‘Капиталистическая партия Советского Союза’ (эту дезаббревиацию, возникшую в 1989 г., приписывают коммунисту Л.И. Сухову); ‘Коммунисты пришли! Сухари суши!’, ‘Как приватизировали социалистическую собственность’, ‘Кто пойдет сдавать стеклотару?’, ‘Коммунисты продали советскую систему’, ‘Коммунисты против Сахарова, Солженицына’. Эта модель дезаббревиации является, по-видимому, самой старой и самой освоенной в русском языке, так как она живет уже много десятилетий (примеры дезаббревиации первых лет революции см. выше). Однопартийная советская система не давала большого простора раскодирования как в смысле лексического разнообразия (была только одна политическая партия), так и социальных последствий такой языковой игры (за это можно было попасть в лагерь, тюрьму). Наличие многих политических партий и свобода выражения своего отношения к той или иной политической группе, движению, блоку в наши дни делают такой механизм раскодирования популярным элементом языковой полемики и манипуляции, броским и эффектным приемом дискредитации политического соперника (противника).

2. Аббревиатуры, обозначающие социальные, политические, экономические явления жизни: *ОБХСС* ‘Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности’ → ‘обеспечение безопасности хищений социалистической собственности’; *КГБ* ‘Комитет государственной безопасности’ → ‘кодла грубых бандитов’, ‘кодла государственных бандитов’, ‘комитет глубинного бурения’; *ЦК* ‘Центральный комитет’ → ‘Центральная котельная’; *СНГ* ‘Содружество Независимых Государств’ → ‘сбылись надежды Гитлера’, или ‘спаси нас, господи’, или ‘сборище ненормальных государств’ (эту шутовую расшифровку приписывают А.И. Лебедю), или ‘союз нищих (и) голодных’; *СТД* ‘Союз театральных деятелей’ → ‘спасение театральной души’; *ГЖС* ‘государственные жилищные сертификаты’ → ‘гарантированное жилье сегодня’; *ИНН* ‘идентификационный номер налогоплательщика’ → ‘инвентарный номер недоумка’; *ЦУМ* ‘Центральный универсальный магазин’ → ‘цены увеличивались молча’; *МПС* ‘Министерство путей сообщения’ → ‘министр, племянник, сын’ или ‘министерство племянников и сыновей’ (аллюзия к деятельности бывшего министра путей сообщения Н.Е. Аксененко); *ГАИ* ‘Государственная автомобильная инспекция’ → ‘гребаная армия идиотов’; *ГИБДД* ‘Государственная инспекция безопасности дорожного движения’ → ‘гони инспектору бабки (и) двигай дальше’ или (более редкие) ‘господин инспектор, берите деньги, до свидания’, ‘господа и бандиты, дайте денег’; *НАТО* ‘военно-политический блок (от англ. North Atlantic Treaty Organization)’ → ‘НА ТО (бомбу, на се бомбу)’, или ‘ништяк-америке-трындец-остальным’, или ‘национальный архив туркменской оппозиции’. Объектом иронии становятся наименования политических организаций, имеющих в массовом сознании негативные ассоциации (*НАТО*), названия государственных инстанций (институтов), которые могут быть отдалены и отделены от простого человека как некие полумифические сущности (*ЦК, ОБХСС, КГБ*), могут

выполнять декоративную роль с неясными функциями (*СТД, СНГ, ИНН*), могут быть дискредитированы в общественном мнении (*ГАИ, ГИБДД*). В любом случае “приписывание” им второго значения призвано либо “низвергнуть” их с недоступного пьедестала, либо раскрыть, обнаружить их подлинное “лицо”, сорвать маску, “личину”.

3. Место работы, учебы; предприятие: *РИИИ* ‘Российский институт истории искусств’ → ‘Российский институт испуганной интеллигенции’ (такая шутливо-злобещая расшифровка возникла после арестов, произведенных в 1922 г.); *МИНЯ* ‘Московский институт новых языков’ → ‘мужайся и на ящиках’ или ‘мы изучаем не тот язык’; *МГУ* ‘Московский государственный университет’ → ‘мама где устроит’ или (с инверсией) ‘где мама устроит’; *ВУЗ* ‘высшее учебное заведение’ → ‘выйти удачно замуж’; *МИИТ* ‘Московский институт инженеров транспорта’ → ‘мы интенсивно ищем третьего’; *МИСИ* ‘Московский инженерно-строительный институт’ → ‘Московский институт сексуальных извращений’; *МГПИИЯ* ‘Московский государственный педагогический институт иностранных языков’ → ‘место, где проститутки изучают иностранный язык’; *МГПИ* ‘Московский государственный педагогический институт’ → ‘Московский государственный поющий институт’ (его закончили многие известные барды, в том числе Ю. Визбор); *ЛЭТИ* ‘Ленинградский электротехнический институт’ → ‘Ленинградский эстрадно-танцевальный институт’; *ЛИИЖТ* ‘Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта’ → ‘Ленинградский институт изучения женского тела’; *ЛИАП* ‘Ленинградский институт авиационного приборостроения’ → ‘лепили инженера – алкоголь получился’; *ЛГПИ* ‘Ленинградский государственный педагогический институт’ → ‘Ленинградский государственный приют идиотов’; *БГУ* ‘Башкирский государственный университет’ → ‘башкирский гербарий уродов’; *ГПТУ* ‘государственное профессионально-техническое училище’ → ‘господь послал тупых учиться’; *МГТУ* ‘Московский государственный технический университет’ → ‘мы готовы тут умереть’ или ‘мы готовим тут уродов’; *МВТУ* ‘Московское высшее техническое училище’ → ‘мы вас тут угробим’, или ‘могила, вырытая трудами ученых’, или ‘мало выпьешь – трудно учиться’; *АЗЛК* ‘автомобильный завод имени Ленинского комсомола’ → ‘автомобильный завод имени лужковской кепки’; *ЖКХ* ‘жилищно-коммунальное хозяйство’ → ‘живи как хочешь’; *ГИРД* ‘Группа по изучению реактивного движения’ → ‘группа инженеров, работающих даром’ и под. Дезаббревиация в этом случае является одним из компонентов студенческого (профессионального) жаргона и, в частности, такого популярного семантического (психологического) механизма, как стебово-ироничное отношение к своей учебной деятельности, официальным органам и даже вообще к миру. Цель их одна – достичь языковой экспрессии, эпатажа окружающих, высмеять “высокое и святое”.

4. Учебные предметы, изучаемые дисциплины: *ОБЖ* ‘основы безопасности жизнедеятельности’ → ‘общество беременных женщин’; *СПИД* ‘синдром приобретенного иммунного дефицита’ → ‘социально-политическая история двадцатого века’ или ‘Совет При Директоре’; *ППР* ‘партийно-политическая работа’ → ‘посидели, по[...]ли, разошлись’ (в середине нецензурное слово). В этом случае предметом иронии становятся либо “страшные” денотаты типа *СПИД* (образ, создаваемый масс-медиа, иногда превращается в навязчивый штамп и подвергается пародированию), либо неблагозвучные аббревиатуры, маскирующие за внешней аббревиатурной серьезностью какое-либо несложное или повседневное содержание (*ОБЖ, ППР*).

5. Названия культурно-просветительских учреждений, спортивных клубов, телеканалов, развлекательных программ: *ДК* ‘Дом культуры’ → ‘дойная корова’ (пример Е.А. Земской) [Земская 1992: 54]; *КВН* ‘Клуб веселых и находчивых’ → ‘клево, весело, незабываемо’; *НТВ* ‘Независимое телевидение’ → ‘не твое, Вова’ (намек на действия В. Путина в отношении этой телекомпании); *ЦСКА* ‘Центральный спортивный клуб армии’ → ‘центральный сарай конной армии’ или ‘центральный спортивный клуб Абрамовича’.

6. Профессии: *ГЭС* ‘гидроэлектростанция’ → ‘ГидроЭлектроСварщик’. Эти дезаббревиатуры явно нечастотны; мне встретилась пока одна. Источником пародии является высмеивание идеи гигантизма (в данном случае в массовом сознании живет ус-

тойчивая ассоциация, связанная с представлением о ГЭС как гигантском, массивном сооружении, требующем колоссальных физических, технических затрат для строительства).

7. Оружие, боеприпасы: *ВНОС* ‘воздушное наблюдение, оповещение и связь’ → ‘выпил, наелся, опять спит’ (дезаббревиатура возникла еще в годы Великой Отечественной войны); *БП* ‘бронепоезд’ → ‘Борис Петрович’; *РС* ‘реактивный снаряд’ → ‘Раиса Семеновна’; *КВ* ‘наименование танка, образованное от имени Климент Ворошилов’ → ‘Котин Ворошилову’; *СФ* ‘Северный флот’ → ‘современный флот’; *БФ* ‘Балтийский флот’ → ‘бывший флот’; *ТФ* ‘Тихоокеанский флот’ → ‘тоже флот’; *ЧФ* ‘Черноморский флот’ → ‘чи флот, чи не флот (чи флотилия, чи не флотилия)’. Очевидно, здесь мотивом деабревиации выступает либо криптолалия (в военных условиях), либо (в мирной обстановке) грубоватая армейская фамильярность (дисфемизация, или кокофемизация) с целью “занизить”, “приручить”, “одомашнить” денотаты, ввести их в солдатское (армейское) корпоративное сообщество в качестве полноправных членов, над которыми можно подшутить, подсмеяться или подтрунить.

8. Помещения: *КПД* ‘коэффициент полезного действия’ → ‘комната полезного действия’ (о туалете); *КПЗ* ‘камера предварительного заключения’ → ‘комната приятных запахов’ (о туалете). Ирония является языковой реакцией на наиболее часто повторяемые (например, со школьной скамьи) или заезженные, избитые от чрезмерного повторения аббревиатуры с целью обновления их внутренней формы и – вследствие этого – наделения их более “полезным” (с точки зрения “наивного” носителя языка) бытовым смыслом.

9. Обозначение ситуаций (обычно экстремальных, нестандартных): *ЧП* ‘чрезвычайное происшествие’ → ‘частная практика’ (в речи медиков) или ‘четвертая полоса’ (у журналистов) (последнее значение отмечено Е.А. Земской) [Земская 1992: 54]. Такой тип деабревиации можно объяснить стремлением (в профессиональном языке) к языковой экономии наиболее частотных понятий.

10. Человек (внешность, поведение, характер): *ДВП* ‘древесноволокнистая плита’ → ‘доска временного пользования’ (о худой, плоскогрудой девушке, женщине – обычно легкого поведения); *ОРЗ* ‘острое респираторное заболевание’ → ‘очень резко завязал’ (прекратить пить, употреблять алкоголь); *СПИД* ‘синдром приобретенного иммунного дефицита’ → ‘страшный подарок иностранного друга’. Пародия является реакцией на новые товары (вещи) массового пользования (обычно невысокого качества, ненадежные, непрактичные в использовании) – например, *ДВП*; или наукоподобные номинации привычных для человека реалий (под *ОРЗ* в бытовом обиходе чаще всего понимают насморк, кашель, простуду) или ставших очень актуальными в определенный период времени (*СПИД*).

11. Названия машин, препаратов, механизмов⁹: *РДС* ‘реактивный двигатель специальный’ → ‘Россия делает сама’ или ‘реактивный двигатель Сталина’; *ИС* ‘марка самолета в годы Второй мировой войны; от инициалов Иосифа Сталина’ → ‘истребитель складной’; *БФ* ‘название клея’ → ‘Борис Федорович’; *БМВ* ‘русская транскрипция марки автомашин BMW’ → ‘бандитская машина воров’; ‘без машины веселей’; ‘боевая машина вотяков’; ‘большое мужское вождение’; ‘БезМерные Возможности’; ‘браво могучего мотора’; ‘быстрая машина вселенной’ и десятки других (не привожу их в целях экономии места). Цель деабревиации – “упростить” привычные или даже престижные, но громоздкие аббревиатуры применительно к своей аксиологической (нарочито грубоватой и простоватой) шкале; здесь мы сталкиваемся с тем же явлением дисфемизации = кокофемизации, что и в армейском социолекте. В этом случае русская мотивировка вы-

⁹ Любопытно, что подобные шуточные расшифровки существуют не только в русском языке. Например, в английском (американском) просторечии название известной марки автомобилей SAAB расшифровывается следующим образом: Swedish Automobile Always Broken ‘шведский автомобиль всегда сломан’.

стует как проявление ментального приема олицетворения (персонификации), сохранившегося с эпохи анимализма до наших дней¹⁰.

Если аббревиация относится к вторичной номинации (первичными номинативными единицами являются словосочетания, легшие в основание аббревиатуры), то следует ли, что при людической дезаббревиации наблюдаются те же закономерности, что и при коммунальной, то есть просто возвращение к исходной синтаксической структуре с определенными (например, стилистическими) целями? Примеры показывают, что в людическом раскодировании протекают более сложные семантические процессы. Рассмотрим их с точки зрения теории номинации. Действительно, часть дезаббревиатурных раскодировок также являются словосочетаниями (см. расшифровки при: *КПСС, ОБХСС, КГБ, СНГ, ГАИ, МИСИ, ЛГПИ, БГУ, ОБЖ, БП, КВ, БФ, ТФ* и др.), однако довольно часто встречаются либо полупредикативные словосочетания (см.: *НАТО, МВТУ, ГИРД, НТВ* и др.), либо предикативные словосочетания, предложения (см.: *КПСС, СНГ, ЦУМ, ГИБДД, МИНЯ, ВУЗ, МГУ, ГПТУ* и др.); впрочем, в любом случае именно функция характеристики, а не прямой номинации является ведущей. С когнитивной точки зрения, сам факт аббревиации рассматривается говорящим не просто и не только как первичный номинативный механизм (ономасиологический аспект номинации), но может трактоваться и как инструмент вербального кодирования (компрессии) какой-либо протекающей неязыковой ситуации (пропозиции), каждый элемент которой может быть побуквенно “сокращен” и поименован; ср.: *РСФСР* ‘пустили солдат, фронтовиков, собрали разбойников’ (семасиологический аспект номинации¹¹). Людическая дезаббревиатура по структуре становится аналогична сентенции, предложению-суждению. Дезаббревиатурное раскодирование относится, несомненно, к продуктам речевой деятельности и возникает как знак вторичной

¹⁰ Голландский историк культуры Йохан Хейзинга (1872–1945) очень точно характеризовал роль персонификации в современной жизни, культуре и науке: “Персонификация – это привычная форма духовной деятельности, из которой мы в нашей повседневной жизни еще вовсе не выросли. Кто не ловил себя снова и снова на том, что вслух и вполне серьезно обращается к какому-нибудь неодушевленному предмету, скажем, к упрямой запонке, чисто по-человечески приписывая ей нежелание повиноваться и осыпая ее упреками за поведение, заслуживающее всяческого осуждения. Но, делая это, мы же не исповедуем веру в запонку как в некое существо или хотя бы идею. Мы выходим, хотя не по собственной инициативе, в состояние игры” [Хейзинга 1997: 137–138].

¹¹ Очевидно, предельным случаем кодирования ситуации в крайне напряженном состоянии сознания, психики при помощи буквенного (акронимического) сокращения может служить сцена объяснения в любви между К. Левиным и Кити (“Анна Каренина” Л. Толстого): «Вот, – сказал он и написал начальные буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: “когда вы мне ответили: *того не может быть*, значило ли это, что никогда или тогда?” [...] – Я поняла, – сказала она, покраснев. – Какое это слово? – сказал он, указывая на н, которым означалось слово *никогда*. – Это слово значит *никогда* [...]». Интересно, что прототипом этого эпизода являлся факт объяснения в любви самого Л.Н. Толстого – С.А. Берс. Этот семиотический механизм кодирования и декодирования исследован Ю.М. Лотманом как тип автокоммуникации: “речь идет о возрастании информации, ее трансформации, переформулировке. Причем вводятся не новые сообщения, а новые коды, а принимающий и передающий совмещаются в одном лице. В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций – от необходимого человеку в определенного типа культурах ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии” [Лотман 1996: 35]. И далее важный вывод: “текст несет тройные значения: первичные общезыковые, вторичные, возникающие за счет синтагматической переорганизации текста и сопоставления первичных единиц, и третьей степени – за счет втягивания в сообщение и организации по ее конструктивным схемам внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных” [Там же]. Несмотря на то, что Ю.М. Лотман описывает автокоммуникацию в пределах “Я – Я”, эта модель вполне приложима и к исследуемому процессу дезаббревиации: первичным значением является общезыковая аббревиатура, вторичным значением – референциальное переосмысление денотата, третичным значением – включенность в сам процесс семантического переосмысления фоновых знаний (пресуппозиций) социума или какого-л. социолекта.

номинации. Это обстоятельство позволяет уточнить и дополнить репертуар номинаций в русской разговорной речи [Земская 1979: 44–71; Ермакова 1984: 130–140], включив в их число также некоторые типы дезаббревиатурных форм.

Объяснений причин и мотивов людической дезаббревиации как наиболее развитой и разветвленной в некодифицированном языке может быть несколько, и все они взаимосвязаны друг с другом. Мне представляется, что в этом механизме задействованы следующие процессы: психологический, культурологический, семасиологический, сепантический.

Психологическим механизмом появления раскодированных форм является, очевидно, стремление индивида (группы, социума) снять напряжение, стресс, избежать (психического и языкового) дискомфорта, выйти за рамки ограничений, которые накладывает на поведение (социальное и языковое) социум или господствующая идеология и предписанные ею социальные (политические) нормы. Именно таким образом феномен языкового каламбура психолог З. Фрейд интерпретировал в работе “Остроумие и его отношение к бессознательному” (1905 г.), полагая, что за каламбурами и шутками скрывается невытесненный, незамещенный, непреодоленный страх. На этом основании Фрейд считал шутку древнейшим, архаическим элементом табу, ибо в шутке содержится насмешка, предостережение или даже угроза табуизированному предмету (объекту). Аббревиатуры, действительно, скрывают, табуизируют некие сущности от субъекта за нагромождением звуков и тем самым отдаляют, “отчуждают” его от искомого предмета. Растабуирование (в данном случае – дезаббревиация) призвано приблизить, вновь “вернуть” говорящего субъекта к скрываемому (скрытому и скрытному) объекту, однако уже не с “лицевой”, а с “изнаночной” части. Частным объяснением механизма дезаббревиации, однако важным особенно в сталинское время, по мнению Шейлы Фитцпатрик, является попытка советского человека при помощи таких раскодированных языковых форм противостоять официальной идеологии; средства массовой информации формировали серьезное (граничащее со страхом) отношение к социалистическим ценностям, институтам, организациям как стоящим над человеком (“винтиком”) и определяющим его повседневную жизнь. Ш. Фитцпатрик, исследовавшая типы, прагматику, ценности повседневной жизни советского человека (особенно в сталинское время), считает, что в шутливых расшифровках (наряду, например, со слухами) следует усматривать специфические формы советского юмора; эти расшифровки служили показателем приспособления советских граждан к идеократии [Fitzpatrick 1999: 182–184]; уточним: вернее сказать – скрытого протеста против режима. В терминах А. Вежбицкой, можно говорить о “языковой самообороне” (linguistic self-defence), состоящей “в изобретении способов выражения (имеющих более или менее постоянную форму) для тех эмоций, отношений и идей, которые не могут открыто выражаться в условиях жесткого политического контроля жизни страны” [Вежбицка 1993: 108].

Культурологическим механизмом каламбура служит, по-видимому, прием карнавализации, переименования, “снижения” (и тем самым “принижения”), осмеяния высоких принципов, понятий, идей. Этот механизм был глубоко и всесторонне проанализирован М.М.Бахтиным в книге “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья” (1965 г.). Исходным принципом, смысловой посылкой карнавала и карнализации как его движущего механизма является смешение “верха” и “низа”, их смысловое и идеологическое “переворачивание”, “переодевание”, низведение сакральных сущностей до уровня обычного человека. Близость позиций Бахтина и Фрейда в интерпретации каламбура несомненна: у Фрейда шутка – это преодоление табу, у Бахтина карнавал – это “снижение” или даже “ниспровержение” предметов сакрального мира (но ведь в генетическом смысле сакральное – это обожествленное табу).

Семасиологический механизм дезаббревиации заключается в возможности намеренного разрыва смысловой связи между планом содержания и планом выражения. В аббревиатуре план содержания “привязан” к плану выражения непрочными, даже как будто случайными языковыми нитями, что проявляется в искусственно созданном, сконструированном соответствии логического (понятийного) содержания некоторой

комбинации, цепочке звуков, репрезентирующих данное понятие. Если в обычном слове соответствие плана содержания плану выражения является полусловным, полупроизвольным, то в аббревиатуре эта условность, произвольность достигает, видимо, своего предела. “Спайка” формы и содержания непрочна, неустойчива, легко разрушаема, ибо аббревиатура требует от человека просто ее механического заучивания и последующего “технического” воспроизведения. Именно такая искусственность и кажущаяся легкость образования аббревиатур, противоречащая языковой практике “наивного” носителя языка, провоцирует у него (говорящего субъекта) формирование представления, что в аббревиатуре смысловые (содержательные) компоненты можно легко заменять, но внешняя (звуковая) форма аббревиатуры все же сохранится¹². Однако за сохраненной внешней формой может скрываться уже новое содержание, обычно иронического, шутливого характера. Это и есть проявление творческого отношения к языковому знаку.

Действительно, “механическое” повторение аббревиатуры делает ее “прозаическим текстом, знаком”, в котором нам явлено только поверхностное, или минимальное, значение (в интерпретации А.А. Потебни – “этимологический минимум внутренней формы”, “наименьшее значение”). “Вторжение” человека во внутреннюю форму слова (аббревиатуры) переводит его (ее) в “вибрирующее” состояние, возбуждает новые ассоциации и идеи, превращает его (ее) в новый словесный знак, на этот раз – уже продукт поэтического творчества. Слово (аббревиатура) начинает жить иной жизнью (не-механической) в иной смысловой плоскости (то есть поэтического творчества, к которому Потебня относил детский язык, фольклор, шутки, каламбуры, игру слов, авторские языковые эксперименты и под.). Аббревиация являлась (и, очевидно, является) в каком-то смысле вызовом обычному носителю языка, чей наличный языковой опыт ранее не содержал подобных фактов. В отличие от нее, дезаббревиация – своеобразный способ “борьбы” с непривычным языковым материалом, который заключается в возможности реноминации (демотивации). Дезаббревиацию можно считать одним из конкретных проявлений динамического соотношения (неустойчивого равновесия) плана содержания и плана выражения. Об этом писал уже С.И. Карцевский в работе “Об асимметричном дуализме языкового знака” [Карцевский 1965]; ср. также мнение современного исследователя: “В процессе развития и функционирования языка постоянно происходят реноминации. Реноминация (изменение соотношенности между элементами планов выражения и содержания) имеет место при переходе от одного языкового состояния или языка к другому: в историческом развитии языка, при переводе или сопоставлении языков, при литературном творчестве и формировании вариантов языка, социолектов и языковых стилей” [Гак 1998: 9].

Семантическим механизмом дезаббревиации является нарушение и разрушение связи денотата и сигнификата при следующих возможных вариантах денотата: 1) денотат сохраняется (например, названия партий, социальных, общественных институтов, вторичное же значение прагматически “переворачивает” денотат в сознании человека, меняет знаки с “плюса” на “минус”); 2) денотат смещается в иную смысловую область (например, ГЭС как обозначение гидроэлектростанции ассоциативно и логически связано с производством различного рода работ – в том числе и сварочных, поэтому вторичный денотат ‘газоэлектросварщик’ явно намекает на связь с первичным денотатом-объектом). Ясно, что в первом случае элемент языкового творчества, язы-

¹² Хорошим примером этого может служить следующий факт: в прессе сообщалось, что депутат Госдумы Вячеслав Игрунов намеревался создать партию *СЛОН*. Объясняя мотивы выбора такой аббревиатуры, он заявил, что возможны две ее интерпретации: “Союз людей, объединенных надеждой” или “Социально-Либеральное Объединение”. Корреспондент, сообщивший об этом факте, недоумевает: “СЛОН в названии партии? В России? Кошунство чистой воды. Или полное беспамяство, незнание истории. Но среди электората может найтись немало памятливых людей, для которых аббревиатура СЛОН имеет единственный смысл – Соловецкий лагерь особого назначения, первая в России концентрационная тюрьма”.

ковой игры намного мощнее и интенсивнее, чем во втором случае, который при деноминации не требует большой мыслительной работы.

Таким образом, процессы людической деабревиации в современном дискурсе предстают сложным клубком психолингвистических, социологических и языковых механизмов, детерминированных как когнитивными структурами языковой компетенции индивида, так и внеязыковыми факторами.

Каков статус раскодированных аббревиатур в русском языке? В какой структурной зоне языка их следует рассматривать? На первый взгляд их шуточный характер подталкивает исследователя к тому, чтобы данные факты отнести к области народной этимологии. Однако движущим мотивом трансформации слова при народной этимологии служит то обстоятельство, что в этом случае происходит не *преднамеренное* преобразование внутренней формы ввиду ее неясности, непонятности: *пиджак* > *спинжак* (по аналогии со словом *спина*), *тротуар* > *плитуар* (по аналогии со словом *плита* как намек на метонимическую связь понятий “строительные плитки” и “место для гуляния”, которое обычно выложено такими плитками); *бульвар* > *гульвар* (от глагола *гулять*); возможна также трансрадикация – замена одного из компонентов лексемы понятным и семантически ведущим (или мотивирующим, с точки зрения народного или индивидуального сознания) элементом: *мелкоскоп* (у Лескова) вместо *микроскоп* [Журавлев 1982: 74]. В этом случае шуточность возникает вследствие случайного сближения со словами обычного языка и она видна человеку, знакомому с точным значением обозначаемых понятий¹³. При людической деабревиации, напротив, происходит процесс сознательного отталкивания от известного этимона (внутренней формы, значения) и наделение внешней (звуковой, графической) формы новым содержанием с явным шутовым намерением. Таким образом, механизмы народной этимологии и людической деабревиации оказываются различными, и каламбурное сходство обозначений на самом деле имеет разные истоки и основания: в народной этимологии нет намерения осмеять или спародировать понятие, в людической деабревиации эта интенция является ключевой, центральной, ведущей.

Не относится деабревиация и к стилизации, хотя у них также могут быть схожие элементы. При стилизации происходит намеренное построение текста, фразы с полемическими целями, пародирующими какие-либо известные или заштампованные приемы и речевые модели литературного стиля, направления, жанра. Людическая деабревиация тоже как будто строится по принципу осмеяния официальных штампов (аббревиатур) и “расщепления” их на элементы с самым простым, даже грубым и нарочито примитивным содержанием (дисфемизмы). Однако при стилизации не происходит внутреннего обновления формы или фразы, комический эффект достигается в пределах контекста, столкновения с другим (иностилевым) окружением. При людической деабревиации именно обновленная, трансформированная внутренняя форма уже сама по себе является комичной, шутливой, спародированной по отношению к своему первичному, исходному содержанию в пределах одной и той же внешней (графической, звуковой) формы и уже только затем выступает как пародия на весь класс слов (аббревиатур) в системе языка. Впрочем, перечисленные выше тюремные татуировки и представляют такого рода стилизацию, когда коммунуальное “раскодирование” апеллатива и наделение его аббревиатурным содержанием является пародией на механизм аббревиации в языке. Однако этот популярный способ кодирования информации в маргинальной среде возник именно благодаря и через посредство механизма деабревиации, который является первичным, исходным, прототипическим, “материнским” по отношению к тюремной искусственной “аббревиации” апеллативов или имен собственных.

Кроме того, стилизация аббревиатур в художественной литературе используется со специальным стилистическим заданием комического эффекта: УКСУС ‘Управление

¹³ Примеры на базе немецкого языка см. [Пауль 1960: 264].

координации снабжения и урегулирования сбыта' (примеры подобного рода [Голуб 2001]). Особенно много таких шуточных искусственных аббревиатур встречается в научно-фантастических текстах: *НИИЧАВО* 'Научно-Исследовательский институт ЧАродейства и ВОлшебства' (ср. любопытные множественные толкования, приведенные в тексте повести братьев Стругацких "Понедельник начинается в субботу", в связи с дешифровкой данной аббревиатуры "обычным" носителем языка: "НИИЧА-ВО, – подумал я. – Научно-исследовательский институт... Чаво? В смысле – чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных Ассоциаций Восточной Океании?"); *НИИФИГА* 'Научно-исследовательский институт физики галактик' (А. Закгейм. "Соперник времени"). Последняя аббревиатура стала очень популярной в современном (около)научном дискурсе; ср. современные расшифровки: 'НИИ Филологических Галлюцинаций', 'Научно-исследовательский институт философского истолкования государственного аппарата', 'Научно-исследовательский институт физических исследований феноменальных и грандиозных аномалий', 'Научно-исследовательский институт физических исследований гражданского атома' и др.; *ТПРУНЯ* 'Тройка По Распределению и Учету Необъяснимых Явлений' (ср. иную интерпретацию: "ТПРУНЯ, Эдик, это не Тройка По Распределению и Учету. ТПРУНЯ, Эдик, это Тройка По Рационализации и Утилизации"; см.: Братья Стругацкие. "Сказка о Тройке"). Очень много искусственных аббревиатур встречается, например, в текстах А. Шефнера (особенно его повестях "Девушка у обрыва", "Скромный гений", "Лачуга должника"). Таким образом, создание искусственных аббревиатур с художественными целями стало одним из популярных тексто- и стилеобразующих элементов некоторых жанров литературы (фэнтэзи, приключения, мистика).

Еще одна возможность – рассмотреть механизм ложной дезаббревиации как промежуточное явление между словообразованием и лексикой. О таких пограничных явлениях писал В.В. Виноградов в работе "Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии" [Виноградов 1975]. В данном случае слово (аббревиатура) приобретает второе, переосмысленное, значение, хотя формальный состав сохраняется. Можно ли говорить о словообразовании? Это лексико-семантическое явление, впервые отмеченное Виноградовым, в современной русистике изучается в двух направлениях. В рамках и постулатах семантического словообразования, развиваемого в Казанской лингвистической школе, основным критерием существования такого типа словообразования является мысль о диалектическом единстве формы и содержания в слове: одна форма должна соответствовать одному содержанию. Это приводит к признанию, что модификацию значения слов следует рассматривать как словообразовательный акт; новое значение омонимично старому. Данное направление, трактующее понятие "семантическое словообразование" предельно широко и с опорой на идеи А.А. Потебни и Л.В. Щербы, наиболее последовательно проводится в работах В.М. Маркова, Г.А. Николаева и их учеников [Марков 1984]; обобщение результатов, полученных при такой интерпретации семантического словообразования, было проведено на конференции "Языковая семантика и образ мира" (Казань, 7–10 октября 1997 г.), см. [ЯСОМ 1997].

Второе направление семантического словообразования развивается в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1974], Д.Н. Шмелева [Шмелев 1964; 1973], Г.И. Кустовой и Е.В. Падучевой [Кустова, Падучева 1994]. Такой тип словообразования именуется семантической деривацией, что в рамках этого направления означает совокупность двух взаимосвязанных феноменов: как сам процесс образования нового значения, так и его конечный результат, причем из исследования сознательно устранена оппозиция синхронического и диахронического аспекта словообразования (акцентированного в Казанской школе).

При людической дезаббревиации формального преобразования шутивно раскодированной аббревиатуры не происходит, налицо только семантическое изменение, приобретение словом нового значения. В сознании носителя языка одновременно наличествуют обе семантические формы аббревиатуры: исходная, прототипическая, послужившая базой семантического раскодирования, и новообразованная (со специальным

игровым заданием). Игровой элемент появляется именно благодаря фоновой отсылке к своему прототипу. Людическая деабревиация вписывается в механизмы языковой игры. Как бы ни понимать языковую игру: как элемент разговорной речи [Земская, Китайгородская, Розанова 1983] либо как разновидность языкотворческой (лингвокреативной) деятельности говорящих индивидов [Гридина 1996], людическая деабревиация нацелена на игровую подмену денотата исходной аббревиатуры референтом с иными смысловыми границами и признаками, базирующимися на коннотативных (чаще всего иронических) элементах. Эти коннотативные семы могут значительно различаться у людей, однако сама игровая модель деабревиации имеет предписывающие функции для “играющего” (то есть говорящего), делает его *homo ludens* (человеком играющим; термин Й. Хейзинги). Языковая игра “принуждает” говорящего не выходить за смысловые пределы установленной коннотативной области и тем самым не нарушать правила языковой игры: каждый вступивший в игру становится заложником ее неписаных правил. В рамках когнитивной лингвистики уместно говорить о фреймовой структуре деабревиатурных раскодировок. Коннотативные признаки мотивируются, конечно, сетью отношений, связей референта с денотатом, существующих в сознании говорящих¹⁴. Ср., например, следующие коннотативные элементы, бытующие в русском языковом пространстве, денотата “институт” (как высшего учебного заведения или научно-исследовательского): *язык* (иностраннный как предмет изучения), *мама, господь, проститутка, тело, алкоголик, идиот, гербарий, ученый, урод, душа, интеллигенция, “ящик”* (секретный, закрытый); денотат “политические партии”: *коммунисты, ребята, сухари, стеклотара, социализм, система, Солженицын, Сахаров*; денотат “государственные, общественные организации”: *безопасность, хищение, собственность, кодла, бандит, котельная, государство, министр, инспектор, бабки ‘деньги’, деньги, господа, бандит*. Именно поэтому свобода “игрока” (= говорящего) в процессе игровой интерпретации аббревиатур в некотором смысле задана и требует от него в принципе одного: чем более точные коннотативные семы какой-либо аббревиатуры говорящий может вычленить, вычислить, тем лучше он будет соблюдать правила языковой игры, тем больше у него “выигрыш”, то есть тем больше у такой деабревиатуры шансов, что ее подхватят другие участники “игрового поля”. Разумеется, “языковому игроку” в данном случае требуется острое языковое чутье, в какой-то мере сродни художественному.

Людическая деабревиация легко подвержена социально-политическому влиянию (об этом говорит множество деабревиатурных расшифровок, возникающих по случаю). Таким образом, нужно говорить об эластичности процесса людической деабревиации, конечным результатом которого будет сосуществование в языковом пространстве различных интерпретаций; ср. приведенные выше многочисленные шуточные раскодировки аббревиатуры СССР (к уже упомянутым добавлю: ‘сидит Сталин среди развалин’, ‘соборная социально-справедливая партия’; в молодежном жаргоне возможно прочтение латинских букв кириллическими: ‘Chicken, Chicken, Chicken (and) Potatoes’ – букв.: ‘цыпленок, цыпленок, цыпленок (и) картошка’), КПСС (‘Коммунистическая партия Сергея Скворцова’, ‘капитулянтская партия самоликвидации социализма’), ООН ‘Организация Объединенных Наций’ → ‘органы охраны народа’ (на тюремных татуировках), ОПС ‘Общественно-политический союз’ → ‘организованное преступное сообщество’ (в Екатеринбурге). Такая дисперсия расшифровок, с одной стороны, полностью дискредитирует, развенчивает официальную аббревиатуру, показывает ее условность, с другой – способствует мгновенному возникновению, но и быстрому умиранию таких шуточных деабревиатурных номинаций.

¹⁴ “Прагматические свойства любого сообщения зависят от прошлого опыта отправителя или получателя, от их нынешнего положения, от состояния их мыслей, от всех других обстоятельств, имеющих отношение к ним как индивидам” [Черри 1972: 260].

Механизм дезаббревиации оказывает влияние, по-видимому, и на другие области сокращения слов. Появляются намеренные стяжения, когда аппеллативы “скрывают” аббревиатуру и в то же время для непосвященного они выступают как обычные слова: *шок* ‘состояние сильного испуга или радости’ и намеренное сокращение *шок* (от *шоколад*) с дополнительной псевдоаббревиацией ‘шоколад отличного качества’ (это стало брендом шоколадной фабрики “Россия”); местоимение *все* стало обозначать партию (*ВСЕ*) и расшифровываться ‘возрождение, сила, единство’ (партия А. Тарасова). Такая двойная маскировка аппеллативов и аббревиатур – новое явление в русском семантическом словообразовании.

В рамках заявленного статуса людической дезаббревиации можно дать ее лингвистическую дефиницию. Людическая дезаббревиация – это способ семантического словообразования (семантической деривации), в ходе и в результате которого рождается новая, индивидуальная или окказиональная, мотивировка аббревиатуры в пределах старой (звуковой, графической) формы с целью каламбура, иронии, языковой игры.

Если представить процессы дезаббревиации в русском языке в историко-языковой перспективе, то их диалектическое развитие мне представляется следующим:

1) шутливое переименование (внедрение новой мотивировки) единичных аббревиатур в эвфемистических целях в партийном жаргоне в годы подполья (типа *МК*);

2) новая (трансформированная) мотивировка партийно-советских аббревиатур в некоммунистической среде как языковой способ “борьбы” с новым семиотическим явлением (послереволюционные годы);

3) распространение такого механизма дезаббревиации на уголовно-лагерный жаргон в 30–40-е годы XX в. (так называемая коммунальная дезаббревиация); возможно, это мотивировалось обилием аббревиатур и сокращений в деловом стиле русского языка (в данном случае в пенитенциарной системе);

4) раскодирование аббревиатур как элемент криптолалического или фамильярно-игрового (аттрактивного) отношения к официальным аббревиатурным обозначениям предметов, вещей в военном жаргоне в годы Второй мировой войны;

5) людическое декодирование советских аббревиатур в годы “оттепели” (50–60-е годы XX в.) как следствие проникновения и внедрения этого механизма из лагерного и военного арг (жаргона) в городское просторечие (городской жаргон);

6) раскодирование наиболее типичных аббревиатур (особенно в области учебы, работы, названий учебных заведений) в среде молодежи как компонент формирующегося молодежного субстандарта в 60–70-е годы XX в.;

7) процессы декодирования аббревиатур государственных, политических, социальных реалий в годы перестройки (регрессивная дезаббревиация – преимущественно в публицистическом стиле русского языка; людическая – в профессиональном жаргоне и шутливо-фамильярной речи) как свидетельство экспрессивизации языка вследствие политики гласности, открытости (свободы слова) и поляризации общества.

Таким образом, можно отчетливо видеть значительное расширение процессов дезаббревиации в русском речевом дискурсе XX в.: от маргинальных групп, социолектов (партийные подпольные ячейки, лагерный закрытый мир) – до общего употребления. Изменилась и функция таких форм: табуистический принцип сменился чисто игровым, перейдя во власть смехового мира; от эвфемизации – к своей противоположности, дисфемизации.

Аббревиация и дезаббревиация всегда шли рука об руку в языке, составляя диалектическую оппозицию двух процессов: словообразовательной номинации (семасиологический аспект) и деноминации (ономазиологический аспект).

Итак, дезаббревиация имеет две разновидности: регрессивную и людическую.

Регрессивная дезаббревиация представляет собой механизм газетно-публицистического дискурса и нацелена на обновление внутренней формы аббревиатуры в стилистических или прагматических (политико-идеологических) целях. Такой тип дезаббревиации является принадлежностью книжных стилей русского языка, и он, в конечном счете, связан с поддержанием стабильности языковой системы.

Другая разновидность деабревиации, *люди́ческая*, направлена на коренное преобразование референциальных связей аббревиатуры; этот тип деабревиации по своей интенции противоположен регрессивной деабревиации, поскольку ориентирован на смещение привычных референциальных связей и радикальное преобразование сигнификата.

Людическая деабревиация представляет вторичное лингвистическое явление, служа лишь “тенью” аббревиации, поэтому она не считалась самостоятельной областью описания. Однако сейчас ясно, что перед нами новый лингвистический объект: это языковые единицы, существующие в речевом (некодифицированном) употреблении. Спецификой данного объекта является то, что деабревиатуры не существуют в языке автохтонно, автономно, но появляются в речевой деятельности в процессе коммуникации с заданной (иронической) целью. Деабревиатурные образования, следовательно, не первичны, а вторичны, ибо их статус поддерживается только наличием в языковом континууме аббревиатур, послуживших источником этой вторичной номинации (деноминации). Они (деабревиатуры) представляют собой своеобразные “эхо-слова” с особыми функционально-семантическими и прагматическими свойствами (языковая игра, пародия, травестирование).

Деабревиация – языковой феномен в русском языке, возникший и мощно развившийся в XX в. Возникнув в первые десятилетия (известны лишь единичные примеры) в замкнутых социально-политических (полу)незаконных группах с целью табуирования, в конце XX в. деабревиация представляла собой достаточно развитый и разработанный семантический механизм, принятый и усвоенный в русском языковом и культурно-ментальном пространстве. “Джинн” деабревиации был выпущен из бутылки на волю, и едва ли найдется сейчас сила, которая бы заставила его вернуться обратно!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов, Шукин 1999 – Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
- Акты 1868 – Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Тифлис, 1868. Т. 4.
- Акты 1870 – Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Тифлис, 1870. Т. 11.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Балдаев 1992 – Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992.
- Васильева 1995 – Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, М.А. Шахнарович. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
- Вежбицка 1993 – А. Вежбицка. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // ВЯ. 1993. № 4 (впервые статья в более развернутом варианте опубликована: A. Wierzbicka. Antitotalitarian language in Poland: Some mechanisms of linguistic self-defence // Language in society. 1990. V. 19. № 1).
- Виноградов 1975 – В.В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // В.В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.
- Виноградов 1983 – С.И. Виноградов. О социальном аспекте лексической нормы (Общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-х – начале 30-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983.
- Гак 1998 – В.Г. Гак. Языковые преобразования. М., 1998.
- Геворгян 1980 – В.М. Геворгян. Организованная преступность в США. М., 1980.
- Голуб 2001 – И.Б. Голуб. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М., 2001.
- Гридина 1996 – Т.А. Гридина. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Ермакова 1984 – О.П. Ермакова. Номинации в просторечии // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.
- Ермакова 1999 – О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона / Под общим руководством Р.И. Розин. М., 1999.

- Журавлев 1982 – А.Ф. Журавлев. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Земская 1979 – Е.А. Земская. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Земская 1992 – Е.А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская, Китайгородская, Розанова 1983 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковая игра // Русская разговорная речь. М., 1983.
- Карцевский 1923 – С.И. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923.
- Карцевский 1965 – С. Карцевский. Об асимметричном дуализме языкового знака // В.А. Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Кожевникова 1998 – Н.А. Кожевникова. Язык революционной эпохи в изображении писателей русского зарубежья // Русистика сегодня. М., 1998. № 1–2.
- Кожевникова 2003 – Н.А. Кожевникова. Аббревиатуры в русской литературе XX века // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003.
- Конди 1999 – Нэнси Конди. Графика на теле. Татуировки и крах коммунизма // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 39.
- Краткий справочник 1995 – Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1995.
- Кустова, Падучева 1994 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Лотман 1996 – Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996.
- Максимовский 1991 – Э. Максимовский. Империя страха. М., 1991.
- Марков 1984 – В.М. Марков. О семантическом способе словообразования в русском языке // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984.
- Немченко 1985 – В.Н. Немченко. Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск, 1985.
- Николаев – Г.А. Николаев. “Сознательное отношение к языку” и словообразование // <http://kazanlinguist.narod.ru/works.htm>.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Под стягом России 1992 – Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.
- Ревзина 1998 – О.Г. Ревзина. Оказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой в четырех томах. Т. 2. М., 1998.
- Розенталь, Теленкова 1995 – Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Росси 1991 – Ж. Росси. Справочник по ГУЛагу. В 2 частях. М., 1991.
- РЯСО 1968 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного литературного русского языка. М., 1968.
- Санников 1999 – В.З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Стрекоза 1883 – Стрекоза. М., 1883. № 25.
- Хейзинга 1997 – Й. Хейзинга. Homo ludens. М., 1997.
- Черри 1972 – К. Черри. Человек и информация. М., 1972.
- Шмелев 1964 – Д.Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- Шмелев 1973 – Д.Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- ЯСОМ 1997 – Языковая семантика и образ мира: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та, 7–10 окт. 1997 г. Казань, 1997.
- Capelli 1967 – A. Capelli. Lexicon Abbreviaturarum. Dizionario di abbreviature latine et italiane. 6-th ed. (repr.), Milano 1967 (1899).
- Comrie, Stone 1978 – B. Comrie, G. Stone. The Russian language since the Revolution. Oxford, 1978.
- Fitzpatrick 1999 – S. Fitzpatrick. Everyday stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York; London. 1999.
- Jakobson 1921 – R. Jakobson. Vliv revoluce na ruský jazyk. Praha, 1921.
- Pelzer 1966 – A. Pelzer. Abréviations latines médiévales: Supplément au Dizionario di abbreviature latine ed italiane de Adriano Cappelli. Louvain; Paris, 1966.
- Mazon 1920 – A. Mazon. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918). Paris, 1920.
- Ryazanova-Clarke 1999 – L. Ryazanova-Clarke. The Russian language today. London, 1999.
- Ward 1965 – D. Ward. The Russian language today. London, 1965.